

18+

Танюша Логинова

СИНДРОМ СПОНТАННОЙ МАНИФЕСТАЦИИ

Танюша Логинова

Синдром спонтанной манифестации

<https://litres.ru/74155132>

ISBN 9785007023474

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Что, если бы проснувшаяся магия была не благословением, а поводом для твоего парня сдать тебя в психушку? Маша, обычный бухгалтер, обнаруживает у себя «видение сути». Но вместо того, чтобы спасти мир, она попадает в «Лесные дали» — совковый санаторий-тюрьму для таких же «аномальных». Здесь, между очередями за гречкой и разговорами о революции, ей предстоит понять, что ее настоящий талант — не магия, а умение оставаться человеком там, где система пытается превратить всех в функцию.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Обычное утро	5
Глава 2. Снежный ком	13
Глава 3. Визит	20
Глава 4. Казённый дом	29
Глава 5. Возвращение	39
Глава 6. Быт после	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Синдром спонтанной манифестации

Танюша Логинова

© Танюша Логинова, 2026

ISBN 978-5-0070-2347-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Обычное утро

Утро понедельника — это уже само по себе насилие над личностью. А утро понедельника, когда надо вставать на работу, — это просто статья Уголовного кодекса, которую почему-то до сих пор не написали.

Маша открыла глаза. Три секунды просто лежала, глядя в потолок и пытаясь вспомнить: зачем она вообще вчера согласилась жить с Димой? Ах да. Любовь. Три года назад это звучало убедительно.

Справа Дима посапывал в подушку, издавая звук, похожий на перебои в работе старого холодильника. Маша аккуратно вытащила свою руку из-под его плеча (он всегда за чем-то наваливался, будто она была не девушкой, а манекеном для обнимания) и села.

Телефон. 6:45. Пятнадцать минут до будильника, но спать уже бесполезно — мозг включил режим «перебор тревог», и теперь до самого вечера будет работать на износ.

Первое, что она увидела, выйдя из спальни, была кухня.

Если бы кухни умели кричать, эта орала бы матом.

Раковина: тарелки с остатками яичницы — масло застыло белесой пленкой, две кружки с недопитым чаем, сковородка, прилипшая к плите жирным дном.

На столе — разбросанные крошки, открытый пакет молока (он вообще соображает, что молоко так портится?), и чья-

то футболка, брошенная прямо на спинку стула. Не его. Её.

И посреди этого великолепия — вчерашняя Дими́на тарелка с недоеденными макаронами. Вилка воткнута в остатки еды, как памятник человеческому пофигизму.

— Твою ж за ногу, — выдохнула Маша, и это было самое цензурное, что пришло в голову.

Она включила чайник. Он был пустой. Дима вылил последнюю воду и не налил новую.

Это была мелочь. Капля в море. Но именно в это утро капля оказалась последней. Море решило: всё, я выхожу из берегов.

Она налила воду, включила чайник, открыла посудомойку: там стояла чистая посуда, которую она загрузила утром и которую Дима должен был просто переложить в шкаф. Вчера вечером.

— Доброе утро, — раздалось сзади сонное мычание.

Дима стоял в трусах и мятой футболке, чесал живот и щурился на свет. Трогательный образ, ничего не скажешь.

— Доброе, — ответила Маша голосом человека, который уже мысленно уволился, собрал вещи и уехал к маме в Саратов.

Дима прошёл к холодильнику, открыл, посмотрел внутрь, закрыл. Потом открыл снова. Будто за ночь там могла материализоваться еда.

— А есть чего?

— Не знаю. Может, спросишь у того, кто вчера сожрал

весь сыр и не купил новый?

Дима вздохнул с интонацией мученика, которого не понимает весь мир.

— Маш, ну ты чего с утра заводишься? Я устал на неделе, думал, ты сходишь в магазин. Ты же всё равно мимо проходишь.

— Я прохожу мимо магазина, в котором курица стоит как крыло самолёта, Дим. У нас бюджет.

— Ой, бюджет... — он отмахнулся, как от надоедливой мухи. — Ты вечно со своими цифрами. Ну купила бы что-то попроще.

— Я купила. Ты вчера это «попроще» сожрал в два часа ночи и даже тарелку не убрал.

Дима вдруг резко развернулся. Сработало. Он наконец заметил поле боя.

— А чего ты мне не сказала? — голос стал обиженным, как у ребёнка, которого обвинили в том, чего он не делал, хотя он делал. — Попросила бы — я бы убрал.

— Дим. Я прошу тебя каждый день. Каждый. Гребаный. День. У меня такое чувство, что я не девушка, а домработница, которой ещё и за секс не платят.

— О, началось, — он закатил глаза. — Вечно ты из мухи слона раздуваешь. Ну не помыл посуду. С кем не бывает. У тебя на работе аврал, у меня на работе аврал. Мы оба устаём. Но я же не предъявляю тебе, что ты там чего-то не сделала.

— А что ты можешь мне предъявить? — Маша вдруг по-

чувствовала, как внутри закипает что-то горячее и липкое. — Я готовлю, я убираю, я стираю, я ещё и деньги приношу, между прочим, не меньше твоего. Я даже интимную жизнь организовываю по расписанию, чтобы ты был доволен. А ты просто существуешь. Ты просто занимаешь пространство и оставляешь за собой грязь.

Дима посмотрел на неё с выражением, которое она ненавидела больше всего. Снисходительным. Будто она была капризным подростком, у которого еще и ПМС.

— Маш, ну успокойся. Иди умойся, выпей воды. Ты на нервах.

— Я на нервах?! — голос сорвался на визг, и она сама испугалась этого звука. — Я на нервах, потому что я живу с человеком, который не слышит меня три года! Который делает вид, что мы семья, но при этом ведёт себя как квартирант, забывающий платить!

Дима встал. Спокойно. Медленно. Будто ему было скучно.

— Знаешь что? Я не буду это слушать. Мне на работу пора. Разбирайся со своими тараканами сама.

Он ушёл в ванную. Через минуту оттуда донёсся звук воды и довольное мычание. Он напевал.

Маша стояла посреди кухни и смотрела на его тарелку. Тарелка с макаронами. Вилка торчит.

И вдруг она поняла: это не просто тарелка. Символ. Всё, что с ней не так. Это её жизнь, которая вот так и стоит — недоеденная, грязная, с воткнутой вилкой, и никто не соби-

рается её убирать.

Она — пустое место. Функция. Удобная женщина, которая не требует предложения, не просит кольца, не ставит ультиматумов. Которая всё терпит, потому что боится остаться одна. Потому что часики тикают. Потому что «как у всех» — это же цель, да? Выйти замуж, родить, купить икеевский шкаф и умереть от скуки, но зато «как у всех».

— Как у всех, — прошептала она и взяла тарелку.

Она не хотела её мыть. Она хотела её разбить.

И схватила.

С силой швырнула в стену над раковиной. Керамика должна была разлететься осколками, забрызгать всё остатками макарон, создать грохот, который разбудит даже соседей снизу.

Тарелка ударилась о стену. Раздался глухой звук.

И вдруг, в момент удара, Маша увидела. Не глазами — всем своим существом. «Тарелка, 23 см, часть набора „Сирень“, подарок подруги Светки при въезде в квартиру. Вероятность повреждений при ударе — 85%. Скол по краю, трещина по диагонали.» За секунду до того, как керамика брызнула во все стороны, перед её мысленным взором промелькнула точная схема будущих осколков.

Тарелка разлетелась. Грохот был оглушительным.

Маша замерла. Чайник вскипел и отключился щелчком. Вода в раковине капала из крана — кап... кап... кап...

— Господи, — выдохнула Маша. — Я совсем с катушек

слезла. Что это было?

Она смотрела на осколки, а в голове всё ещё пульсировала информация: «Набор неполный, 6 предметов из 12». Она никогда не задумывалась, из какого набора тарелка. Откуда она это узнала?

Она протянула руку, чтобы убрать осколки, и в этот момент дверь ванной открылась.

— Маш, у тебя полотенца чистые есть? — крикнул Дима.
— То, которое висело, мокрое совсем.

Маша отдёрнула руку.

— В шкафу, — сказала она севшим голосом. — На верхней полке.

Дима вышел из ванной, даже не взглянул на неё, прошлёпал в комнату.

Маша смотрела на тарелку.

Тарелка смотрела на неё.

— Мне показалось, — прошептала она. — Точно показалось.

Она выключила воду, взяла себя в руки, взяла в руки вееник и начала сметать в совок осколки. Руки дрожали.

— Маш, — крикнул Дима из комнаты. — А где мои носки?

— В стирке, — ответила она автоматом.

— А почему не постирала? Я же просил!

Маша закрыла глаза.

Внутри что-то щёлкнуло, как счетчик в такси после окон-

чания посадки. Не больно. Наоборот — приятно. Будто запустился процесс, который она считала давно завершённым.

— Дима, — сказала она спокойно. — Заткнись, а?

Из комнаты — тишина. Потом удивлённое:

— Чего?

— Руками поищи, — ответила она и открыла глаза.

Всё было на своих местах. Кухня, утро, понедельник, жизнь.

Но что-то изменилось. Что-то важное.

Маша посмотрела на свои руки. Обычные руки. С облезшим маникюром, потому что на салон вечно нет денег.

— Ну и дела, — сказала она тихо.

И пошла собираться на работу.

В автобусе её трясло. Не от дороги — от мыслей.

— Шизофрения, — решила она. — Ранняя стадия. В моём возрасте уже бывает. Надо к врачу.

Но где-то глубоко внутри, там, где живёт та самая девочка, которая в детстве верила в Деда Мороза, сидел крошечный голосок и пищал: «А если нет? А если правда?»

Маша затолкала голосок подальше и уставилась в окно.

За окном плыл серый город. Люди спешили по делам. Никто не летал, не двигал предметы взглядом, не материализовывал налоги.

Обычное утро. Без изменений.

Вечером она вернётся домой, Дима снова будет сидеть в телефоне и делать вид, что её не существует, а на кухне будет

грязная посуда.

Но это будет вечером.

А пока она ехала на работу, и в её сумке, в самом дальнем кармашке, лежала маленькая надежда на то, что сегодня случилось что-то настоящее. Что-то её.

И пусть пока непонятно, что с этим делать, главное — это было.

Глава 2. Снежный ком

Вторник начался с того, что Маша пролила кофе. Кружка стояла на столе, Маша потянулась за телефоном, задела её рукавом — и в тот же миг перед глазами всё подсветилось. Кружка, 250 мл, Икеа, трещина на ручке, обнаружена 3 месяца назад, заклеена суперклеем. Температура жидкости — 78 градусов. Траектория падения — с вероятностью 92% заденет клеёнку и блузку. Пятна от кофе на вискозе — выводятся с вероятностью 17% даже холодной водой.

Она моргнула, и видение исчезло, но было уже поздно. Кружка с глухим стуком рухнула на стол, забрызгав её единственную чистую блузку, которую она как раз повесила на спинку стула проветриться. Блузка была из вискозы, светлая, пятна от кофе въедались в неё прямо на глазах. Маша выматерилась, вытерла стол, застирала блузку холодной водой (без толку), сделала новый кофе и пила его уже на кухне.

Днём на работе она зависла над отчётом. Цифры плыли, строчки по закупкам офисной бумаги сливались в серую массу. Маша смотрела в монитор и думала о том, что ей тридцать два, она бухгалтер в конторе с дурацким названием «ТехноСнаб», начальник считает её «умеренно компетентной», а парень, кажется, скоро начнет бесить её просто фактом своего существования. Она попыталась вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя не удобной деталью

механизма, а живым человеком. В памяти всплыл прошлогодний отпуск в Геленджике, где было дорого, людно и на пляже орала музыка. Не помогло.

В этот момент принтер в углу кабинета включился сам. Зажужжал, замигал лампочками. Маша машинально посмотрела на него, и снова включилось «видение». Принтер HP LaserJet, ресурс картриджа — 12%. В очереди печати — 1 документ. Файл: «Ведомость остатков на складе №3 за май». Имя отправителя — она сама.

Она выдернула провод из розетки, но принтер жужжа выдал документ. Тот самый, который она потеряла в файловой путанице и который ей обещали прислать из бухгалтерии только к четвергу. Маша положила лист в папку «Срочно», почесала переносицу и решила ни о чём не думать. Вообще. Это просто техника глючит, магнитные бури, хрен знает что.

Вечером она залипла в телефоне. Лента ВКонтакте подкидывала привычную жвачку: как похудеть к лету, мемы про усталость, новости о том, что гречка опять подорожала. И вдруг — пост в паблике «Подслушано в автобусе №47».

Текст: «Люди, у меня крыша едет или у кого тоже? Сижу вчера на кухне, чай пью, тянусь за ложкой — а она сама в руку летит. Я сначала подумала — показалось. А сегодня кружка упала и зависла в воздухе. Я в шоке, муж орёт, что я алкоголичка. Но я вообще не пью, мне нельзя, у меня гастрит!»

Комментарии: «Автор, кодироваться пора», «Белочка

пришла, поздравляю», «У меня после третьей банки тоже НЛО прилетает», «А если серьёзно, у моей сестры вчера утюг сам выключился, когда она на него посмотрела», «Да ну, бред, это вирус какой-то, удалите».

Маша пролистала дальше, потом вернулась. Скриншот сделала автоматически. Потом ещё один. И ещё. Сердце колотилось где-то в горле.

Пятница. Утро. Дима ушёл на работу пораньше, даже кружку свою не помыл — так и стояла на столе с остатками кофейной гущи, присохшей ко дну. Маша смотрела на эту кружку и чувствовала, как в животе разрастается тяжёлый, горячий ком. Не злость даже — усталое бешенство. На него, на себя, на эту дурацкую кружку.

Кружка стояла неподвижно. Но для Маши она вдруг вспыхнула внутренним светом. Она снова увидела историю: «Кофе заварен вчера в 8:15. Дима пил его без сахара, смотрел в телефон. Температура 18 градусов. Вероятность разлива при касании — 90%». Маша моргнула, видение исчезло. Маша потянулась за телефоном и, естественно, задела кружку локтем. Та с глухим стуком рухнула, и остатки кофе плеснули прямо на чистую (вторую и последнюю) блузку, висящую на соседнем стуле.

— Ах ты ж...

Маша схватила кружку рукой — та слушалась, была обычной, дешёвой, с отбитым краем. Маша села на пол и тупо смотрела на эту посудину в своих руках. Видение, блин. Ве-

ликая сила. Только что толку, если она кофе по одежде разливает и посуду калечит?

Вечером того же дня она ждала Диму. Сидела на диване, поджав ноги, листая ленту. Новостные паблики уже пестрели: «Всплеск аномалий? Минздрав хранит молчание», «Специалисты призывают не паниковать», «Роспотребнадзор взял пробы воды и воздуха». Кто-то выложил видео из очереди в поликлинике: бумажный талончик сам собой вылетел из рук старушки и приземлился на стол регистраторше. Видео заблокировали через час, но в комментариях уже было: «У меня тоже документы со стола падают», «Сын говорит, что видит шарики цветные», «Это всё 5G вышки».

Дверь хлопнула. Дима вошёл, бросил ключи прямо на пол, стянул кроссовки, едва не порвав шнурок. Маша каждый раз говорила, что так обувь убивается, он каждый раз кивал и делал по-своему. Сегодня ей было всё равно.

— Привет. — Он бросил куртку на кресло. — Жрать есть чего?

— Дим, поговорить надо.

Он остановился, всмотрелся в её лицо. Видимо, видок был ещё тот, потому что даже шутки про ужин не последовало.

— Ты зелёная какая-то. Заболела?

— Не знаю. Сядь.

Дима сел, настороженно косясь на неё. Маша смотрела на его лицо — обычное, с легкой щетиной, вечно недовольной складкой у губ — и понимала, что сейчас всё сломается. К

чёрту.

— Помнишь, я в понедельник тарелку разбила?

— Ну.

— Она не разбилась. Зависла в воздухе, а потом упала в раковину. Я думала — показалось. Сегодня я хотела, чтобы кружка убралась со стола, а она начала летать и пролила на меня кофе.

Дима смотрел на неё, как на больную. Взгляд тяжёлый, липкий.

— Маш, давление померить? Ты себя слышишь?

— Я в порядке. Посмотри новости. Люди по всей стране одно и то же едят. Техника душит, предметы двигаются.

Дима полез в телефон. Минуту листал, хмурясь. Потом поднял глаза.

— Там едят, что фейки. Вбросы, чтоб народ отвлекать.

— Это не фейки. Я сейчас покажу.

Маша встала, подошла к столу. Взяла ту самую кружку с отбитым краем. Поставила перед собой. Дима следил за каждым её движением, как за тикающей бомбой.

— Смотри.

Маша выдохнула, сосредоточилась на кружке, пытаясь вызвать в ней движение, но вместо этого её захлестнула волна данных. Кружка, дешёвый фаянс, скол по краю, внутри — остатки кофейной гущи. Кофе был заварен вчера в 8:15 утра. Дима пил его без сахара, смотрел в телефон, листал ленту новостей. Откуда она это знает? Она просто видела это, как

строчку в отчёте. Кружка стояла на столе, присохшая ко дну, и никуда не двигалась. Дима смотрел на неё, потом на Машу.

— Ну и? — спросил он.

— Я... — Маша растерялась. — Она не двигается. Я не могу её сдвинуть. Но я вижу... я знаю про неё всё.

Дима молчал. Очень долго. Маша видела, как в глазах происходит знакомая, до тошноты знакомая смена регистров. Сначала шок. Потом страх. Потом — тот самый холодок, который она сто раз ловила на себе, когда возвращалась с работы позже обычного. Подозрительность. Контроль.

— Ты... это вообще... законно? — выдавил он наконец.

— Что? — Маша даже не сразу поняла вопрос.

— Ну это. Способности твои. Вдруг это статья какая? Шпионаж или терроризм?

Маша смотрела на него и чувствовала, как внутри всё обрывается. Не больно, а как-то устало-пусто.

— Дим, какие статьи? Я кружку двигаю. Криво. Кофе на себя лью. Я та же самая, просто теперь ещё и посуду быю по-новому.

— А откуда мне знать, что ещё ты можешь? — Голос стал противным, менторским. Таким он говорил, когда она покупала не тот сыр или задерживалась у подружки. — Может, ты мысли читаешь? Или мне тут в голове колупаешься?

— Господи, Дима. Какие мысли? Я твои мысли за три года наизусть выучила: пожрать, носки, футбол, работа бесит.

— Не уводи разговор! — Он вскочил. — Это ненормаль-

но! Люди так не делают! Тебе лечиться надо!

— Ага, — Маша вдруг почувствовала дикую, вселенскую усталость. — В психушку меня, значит. Чтобы удобно опять было.

— Я не то имел в виду!

— Ты всегда имеешь в виду именно то, что говоришь.

Она встала и пошла в ванную. Дима что-то кричал вслед про истеричку, про то, что он вообще-то заботится. Маша закрыла дверь, села на край ванны. Смотрела, как капает вода из крана. Кап. Кап. Кап. Раздражающе, мерно.

Маша закрыла глаза. Из коридора доносились шаги Димы, потом его голос — он кому-то звонил. Говорил взволнованно, быстро, слов не разобрать, но интонация была нехорошая. Такая, с какой звонят не в скорую и не маме.

Она открыла глаза и посмотрела на капаящую воду. Включилось «видение». Кран, смеситель «Аквафор», установлен 2 года назад. Причина протечки — износ прокладки на 78%. До полного разрушения осталось примерно 2000 капель, или 3 дня. Ей не нужно было останавливать воду магией. Она просто поняла, как её починить. И насколько всё запущено.

— Падай уже, — безразлично сказала она. Капля сорвалась и разбилась о раковину.

Глава 3. Визит

Звонок в дверь прозвучал в 10:15. Маша как раз доваривала кофе — просто чтобы занять руки, потому что сидеть и смотреть в стену было невыносимо. Дима торчал на кухне с телефоном, делая вид, что читает новости, но на самом деле он уже час просто листал ленту, не останавливаясь. Со вчерашнего вечера они почти не разговаривали. Маша ночевала на диване — сама, без объяснений. Дима не спросил, почему, просто утром прошёл мимо, как мимо мебели.

— Открой, — сказал он, не поднимая глаз от экрана.

— Сам открой.

— Маш, это к тебе. Я знаю.

Она замерла с туркой в руках. В груди похолодело, хотя плита была включена и на кухне стало жарко.

— Откуда ты знаешь?

Дима пожал плечами. Просто пожал плечами, как будто речь шла о том, кто пойдёт в магазин за хлебом.

Звонок повторился — длиннее, настойчивее, с дребезжанием. У них домофон старый, вечно барахлит.

Маша поставила турку, вытерла руки о халат — тот самый, старый, с пятном от кофе, который она так и не отстирала — и пошла открывать. Ноги ватные, в голове пусто. Хорошо, что умылась хотя бы.

На пороге стояли двое. Самые обычные люди: женщина

лет пятидесяти в пуховике, с сумкой, из которой торчали бумаги; мужчина чуть моложе, в куртке, пахнувшей табаком и утренним перегаром.

— Мария Сергеевна? — спросила женщина. Улыбнулась. Улыбка была правильная, тёплая, но глаза усталые, с красными прожилками — видно, что вчера поздно легла и сегодня не выпалась.

— Я.

— Здравствуйте, мы из комитета по гражданской безопасности. Можно пройти?

— А что случилось?

— Да ничего страшного, не волнуйтесь, — женщина шагнула вперёд, как бы намекая, что вопрос впустить — это просто формальность. — Плановый обход. Вы попали в выборку, у нас тут мониторинг.

Сзади материализовался Дима. Встал в коридоре, подпирая стену, руки в карманы, взгляд в пол.

— Проходите, — сказал он. — Раз надо.

Маша обернулась к нему. Хотелось спросить: «Ты серьёзно? Ты даже не спросишь, кто они?» Но она посмотрела в его лицо и поняла: спрашивать бесполезно. Он уже всё решил. И не в её пользу.

Мужчина и женщина зашли, старательно вытерли ноги — приличные люди, воспитание есть — и прошли на кухню. Маша села напротив них, Дима остался в дверях. Поддержка.

— Мария Сергеевна, — начала женщина, доставая из сумки выдавший виды планшет в потёртом чехле, — мы понимаем, что последние дни для многих непростые. Ситуация нестабильная, много тревожной информации.

— Какой информации? — спросила Маша. Голос сел, пришлось откашляться.

Женщина и мужчина переглянулись. Мужчина чуть кивнул, разрешая продолжать.

— Мы знаем, что у вас проявились некоторые особенности, — женщина говорила мягко, как с ребёнком или с пожилым родственником. — Это сейчас часто бывает. Не волнуйтесь, вы не одна.

— Откуда вы знаете?

— Мониторинг соцсетей, — ровно ответил мужчина. Голос без интонаций, как у диктора в метро. — Ваши сохранённые посты, комментарии. Алгоритмы сработали, попали в выборку. У нас список на двести человек по району, вы двадцать седьмая.

— Я ничего не писала, только комментировала.

— Ну вот комментарии и попали. — Он пожал плечами.

Маша почувствовала, как внутри всё опускается. Вчера вечером, пока Дима сидел в телефоне, она натыкала несколько фраз под постами. «У меня тоже», «И у меня», «Кто-нибудь знает, что это?». Думала, что это анонимно.

— Мы не пугать вас пришли, — женщина подалась вперёд, и улыбка стала ещё теплее. — Мы просто предлагаем

диагностику, понять, как жить дальше.

— Жить дальше, — повторила Маша эхом.

— Ну да. Тесты там, наблюдение. На пару дней, может, на неделю. Посмотрят, какой у вас тип, как с этим обращаться, чтобы себе не навредить. Потом домой вернётесь.

— А если я не хочу?

Пауза затянулась. Женщина смотрела в планшет, мужчина — в окно. Дима за её спиной переминался с ноги на ногу.

— Мария Сергеевна, — голос мужчины стал чуть твёрже, но не злым, просто уставшим, — мы не можем заставить. Но мы рекомендуем. Вы же понимаете, ситуация.

Мужчина посмотрел на Диму.

— Вы, я так понимаю, сожитель? — спросил он.

Дима дёрнулся.

— Ну... парень, да.

— Подтвердите, пожалуйста, факт проявления способностей. Вы видели?

Дима молчал. Маша замерла.

— Видели? — повторил мужчина.

— Ну... — Дима мялся, смотрел в пол. — Видел. Кружка летала. Она говорила, что ещё тарелка.

— Подтверждаете?

— Да вроде того.

Маша обернулась. Смотрела на него в упор, но он так и не поднял глаза.

— Дима, — сказала она тихо. — Ты чего?

— А чего я? — вдруг огрызнулся он. — Спрашивают — отвечаю. Я не знаю, что там у тебя, Маш. Может, это правда опасно. Для тебя же лучше, чтобы специалисты посмотрели.

Женщина с планшетом закивала, заулыбалась:

— Правильно, правильно, поддержка близких очень важна.

Мужчина тем временем достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо бланк, развернул на столе.

— Вот, Мария Сергеевна, ознакомьтесь и подпишите. Добровольное согласие на обследование и временное размещение.

Маша смотрела на бланк. Казённая бумага, серая, с гербом вверху. Текст мелкий, канцелярский: «в соответствии с постановлением», «на период проведения диагностических мероприятий», «без ущерба для гражданских прав».

— А если не подпишу?

— Подпишите, — устало сказал мужчина. — Всё равно поедете. Без бумажки просто дольше оформлять будут. Нас потом за простои накажут, вам же в очереди стоять. Подпишите, и поедем, у нас ещё пятеро сегодня.

Маша посмотрела на Диму. Он стоял, прислонившись к косяку, и смотрел в телефон.

— Дим.

Он поднял глаза.

— Ты правда хочешь, чтобы я уехала?

— Маш, ну чего ты начинаешь? — Он закатил глаза. —

Я же забочусь. Тебе помощь нужна, а я не знаю, как помочь. А там специалисты.

— Ты меня сдаёшь.

— Я тебя спасаю! — Голос сорвался на фальцет. — Ты вчера кружкой кидалась, сегодня эти пришли, завтра что? Я не знаю, как с этим жить! Я не подписывался!

— На что ты не подписывался?

— На это! — Он обвёл рукой кухню, её, этих двоих. — На цирк с полётами!

Женщина с планшетом кашлянула деликатно.

— Мария Сергеевна, мы не торопим. Но лучше, правда, не затягивать. Процедура постановки на учёт всё равно идёт, с добровольного согласия проще будет потом, с работой там, с документами.

— Учёт? — переспросила Маша. — Какой учёт?

— Ну, реестр. Для статистики. Москва требует отчётность по аномалиям, мы должны данные собирать.

Маша посмотрела на кухню. На чашку с недопитым кофе. На свои тапки, старые, стоптанные. На Диму, который стоял в дверях и делал вид, что его тут нет.

Всё чужое. Всё не её.

— Где расписаться?

Женщина ткнула пальцем в строчку внизу бланка. Маша расписалась, не читая. Мужчина забрал бумагу, сложил, убрал в куртку.

— Вещи можете взять, самое необходимое.

Маша встала и пошла в комнату. Дима дёрнулся за ней, но она даже не обернулась.

Чемодан нашёлся на антресоли — пыльный, старый, с оторванным колесом. Она кидала в него вещи как попало: джинсы, футболки, зарядку для телефона, паспорт. Руки тряслись, но слёз не было.

Дима стоял в дверях спальни.

— Маш, ты не думай, я позвоню. Узнаю, как ты. Это ненадолго.

— Не звони.

— Чего?

— Не звони, Дим. Я сама, если захочу.

Он открыл рот, но она уже прошла мимо, таща чемодан по коридору.

Люди в штатском ждали у двери. Женщина взяла её под руку — легонько, заботливо.

— Не бойтесь, Мария Сергеевна. Всё будет хорошо. У нас многие сначала переживают, а потом привыкают.

Маша кивнула. Ей было всё равно.

У подъезда стояла старенькая «Газель» без опознавательных знаков, с подтекающим глушителем — двигатель работал на холостых, и из-под машины тянуло выхлопом. Мужчина открыл дверь, помог забраться внутрь. Внутри уже сидели двое: парень в наушниках, лет двадцати пяти, с безумными глазами, бормочущий что-то себе под нос.

— Знакомьтесь, — сказала женщина-куратор, усаживаясь

рядом с водителем. — Едем вместе, веселее будет.

«Газель» тронулась, подпрыгивая на ямах. Маша смотрела в заляпанное окно на серые многоэтажки, на свои родные дворы, на ларёк на углу, на остановку, с которой каждый день ездила на работу.

Всё это было её жизнью.

Всё это оставалось там, за мутным стеклом.

Рядом парень в наушниках засмеялся, ни с того ни с сего, и продолжил бормотать. Маша закрыла глаза.

Куратор обернулась с переднего сиденья, сунула ей сложенный вчетверо листок:

— Держите, памятка для поступающих. Там правила, распорядок, список вещей, которых нельзя. Почитайте пока.

Маша развернула. Листок был замусоленный, мятый, явно печатали на дешёвой бумаге. Пункт первый: «Запрещается использование когнитивных аномалий в личных целях без письменного разрешения администрации». Пункт седьмой: «В случае самопроизвольной активации способностей немедленно сообщить дежурному сотруднику и заполнить форму 4-Б (бланки выдаются при поступлении)». Пункт двенадцатый: «Администрация не несёт ответственности за порчу личного имущества вследствие неконтролируемых проявлений аномалий у других пациентов».

Маша дочитала до конца, сложила листок и сунула в карман куртки.

Она смотрела на мелькающие деревья и думала о том, что

бухгалтерский баланс за первый квартал она так и не доделала. Начальница, наверное, уже звонит. Интересно, Дима возьмёт трубку или сделает вид, что его нет дома?

Глава 4. Казённый дом

Когда машина, наконец, остановилась, Маша ожидала увидеть санаторий. Ну, или хотя бы вывеску.

В реальности было серое здание. Четыре этажа, бетонные плиты, маленькие окна с решётками. Её решётки хитрые, декоративные, якобы для красоты, а на самом деле понятно для чего. Забор с колючкой поверху. Никакой вывески.

— Вышли, — скомандовал водитель, открывая дверь. Мужик даже не обернулся, просто крикнул в салон и закурил, стоя на улице.

Маша спрыгнула на асфальт, едва не упав — подошва скользила по наледи. Схватила чемодан. Парень в наушниках вывалился следом, даже не оглянувшись, побрёл к КПП, как сомнамбула. Пожилую женщину пришлось поддерживать под руку: у неё ноги подкашивались, и она всё оглядывалась назад, на дорогу.

— Сюда, пожалуйста, — женщина-куратор, которая ехала с ними, теперь стала официальной. Улыбка пропала, лицо стало усталым и деловитым.

КПП. Турникет. Очередь. Перед Машей стояли двое: парень в спортивном костюме, который нервно дёргал ногой, и девушка с огромным синяком под глазом, но в остальном обычная, даже покрашенная. Парня пропустили быстро, девушку дольше: у неё что-то не сходилось в документах.

— У вас просроченный паспорт, — сказала женщина в стеклянной будке равнодушно.

— Он не просроченный, я просто заменила, а этот старый остался, у меня новый есть, но он дома, — девушка говорила быстро, сбивчиво.

— Без паспорта не могу пропустить.

— А как я тогда?

— Следующий.

Маша подошла, сунула свой паспорт в окошко. Женщина пробила по базе, кивнула, выдала временный бейдж с номером 87 и фотографией, которую сделали прямо тут же, щёлкнув старой камерой на штативе — стой, не моргай, повернись, готово. Фотка вышла страшная, как на зону.

Потом был коридор. Длинный, белый, с лампами дневного света, которые гудели так, что через минуту начинало свербеть в ушах. Кабинеты с номерами, таблички стёртые, краска облупилась. Люди в белых халатах сновали туда-сюда, не глядя на новеньких. Люди в форме — Маша насчитала четверых — стояли на постах в концах коридоров, лениво переговариваясь.

— Первичный осмотр, двадцать третий кабинет, — женщина-куратор вручила Маше замызганный талон, отпечатанный на матричном принтере. — Там дальше скажут.

И ушла. Просто развернулась и ушла по коридору, даже не обернувшись, только сумка через плечо хлопнула по спине.

Маша осталась одна. С чемоданом. С талоном в руке. Под

гудящими лампами.

— Двадцать третий, — сказала она вслух, чтобы слышать свой голос.

Пошла по коридору, считая номера. У четырнадцатого сидели люди. Человек шесть, на пластиковых стульях, привинченных к полу. Кто-то читал, кто-то тупо смотрел в стену, одна тётка вязала. Маша прошла мимо.

У кабинета двадцать один тоже была очередь. Человек пять. Маша остановилась, не понимая.

— Вы к кому? — спросила женщина с вязанием, выглянув из-за спин.

— В двадцать третий.

— А, это терапевт. Так проходите, тут свои сидят, к хирургу. А терапевт вон там, дальше по коридору, но там очередь с утра была. Вы талон брали?

— Мне дали.

— Ну дайте сюда, я посмотрю, — женщина взяла талон, повертела в руках. — Это на осмотр, а не к терапевту. Вам в двадцать третий, но не сейчас. Сначала в двадцать первый, на флюорографию, потом в двадцать пятый, кровь сдать, потом уже сюда. А в очередь у терапевта — вы после подходите... спросите, кто последний.

Маша смотрела на неё, пытаясь переварить информацию.

— А где двадцать первый?

— По коридору налево, потом направо, потом прямо до конца, там лестница, спуститесь на первый этаж и увидите.

Женщина с вязанием уже потеряла к ней интерес, уткнулась в свои спицы.

Маша пошла искать. Чемодан тащился за ней, оторванное колёсико подскакивало на стыках плитки.

Двадцать первый нашёлся через десять минут. Там была очередь из семи человек. Маша встала в конец, прислонила чемодан к стене. Рядом стояла девушка, читала что-то в телефоне.

— А вы давно стоите? — спросила Маша.

— Полчаса, — не поднимая головы, ответила девушка. — Тут одна тётка пролезла без очереди, сказала, что она только спросить. И спросила, и зашла, и вышла через двадцать минут. А мы стоим.

Маша кивнула. Что тут скажешь...

Флюру сделали быстро. Потом кровь — в двадцать пятом, куда она тоже искала дорогу минут пятнадцать, потому что таблички на половине кабинетов отсутствовали, а на других были написаны какие-то номера, не совпадающие с реальностью.

В двадцать пятом медсестра даже не посмотрела на неё. Просто сказала: «Рукав закатай», ткнула иголкой, выдохнула: «Следующий».

Пока Маша закатывала рукав обратно, пластырь отклеился. Она прижала ватку локтем и пошла обратно, искать двадцать третий.

У кабинета терапевта сидело уже человек десять. Маша

подошла к женщине на ближайшем стуле:

— Извините, кто последний?

— Я последняя, — сказала женщина. — За мной становитесь.

Маша прислонилась к стене. Чемодан поставила между ног.

Через пять минут подошла ещё одна женщина:

— А кто последний?

— Я, — сказала Маша. — За мной.

Женщина кивнула и встала сзади.

Прошёл час. Маша сидела на корточках, потому что стульев на всех не хватало, и смотрела на стену. На стене висела инструкция. Большая, в рамке, напечатанная мелким шрифтом. Маша прочитала её от начала до конца три раза, но поняла только отдельные слова: «когнитивные аномалии», «регламент взаимодействия», «протокол 7-М», «при возникновении нештатной ситуации действовать согласно приложению 3». Что такое приложение 3, где его искать и что там написано, оставалось загадкой.

В углу коридора висел телевизор, прикрученный к стене железными скобами. Показывали что-то без звука. Маша смотрела на мелькающих людей и думала о том, что дома сейчас Дима ест её котлеты, которые она вчера наготовила на три дня вперёд, и даже не вспоминает о ней.

— Соколова! — крикнули из кабинета.

Маша дёрнулась, схватила чемодан и пошла на голос.

В кабинете сидела женщина. Лет пятидесяти пяти, в очках с толстыми линзами, халат мятый, на столе чашка с остывшим чаем и горы бумаг. Компьютер старый, монитор пузатый, клавиатура жёлтая от времени.

— Садитесь, — кивнула она на стул, даже не подняв глаз. Листала какие-то бумаги, что-то отмечала галочками. — Фамилия?

— Соколова Мария Сергеевна.

— Год рождения?

— Девяносто четвёртый.

— Замужем?

— Нет.

— Дети?

— Нет.

— Хронические заболевания?

— Гастрит.

— Аллергии?

— Пыльца, берёза.

— Давление?

— Сто десять на семьдесят.

Врач подняла глаза. Посмотрела на Машу сквозь толстые линзы, как на лабораторный образец.

— Аномалии когда проявились?

— Несколько дней назад.

— Характер?

— Предметы двигаю. Немного. И ещё документы вижу...

ошибки в них. Суть, в общем.

— Галлюцинации были?

— Нет.

— Голоса?

— Нет.

— Нарушения сна?

— Я не спала вчера.

— Это от стресса. — Врач снова уткнулась в бумаги. —
Раздевайтесь до пояса, я послушаю.

Маша разделась. Врач приложила холодный стетоскоп к спине, послушала механически, даже не вслушиваясь, кажется.

— Дышите. Не дышите. Одевайтесь.

Маша оделась. Врач уже строчила что-то в карте.

— У вас по анализам всё в пределах нормы. ЭКГ без особенностей. — Она оторвалась от бумаг. — Вы курите?

— Бросила.

— Когда?

— Год назад.

— Хорошо. — Врач снова застрочила. — Я вам выпишу лёгкое успокоительное, на ночь. Тут многие не спят первое время. Получите в аптеке, аптека на первом этаже, режим работы с восьми до восьми, перерыв с часу до двух.

— Спасибо, — сказала Маша.

Врач впервые посмотрела ей в глаза. Взгляд был усталый, равнодушный, но не злой.

— Девушка, вы здесь не навсегда, — сказала она неожиданно мягко. — У нас многие паникуют, а потом привыкают. Это просто учёт. Убедятся, что вы не опасны, и отпустят. Работайте с психологом, соблюдайте режим, и через неделю уже дома будете.

Маша хотела спросить ещё что-то, но врач уже смотрела в дверь:

— Следующий!

В коридоре её ждал сопровождающий. Молодой парень в форме, скучающий.

— Вещи взяли? Пошли, покажу комнату.

Они прошли через весь корпус, поднялись на третий этаж. Коридоры такие же белые, лампы гудят так же. Возле одной двери стояла тележка с бельём, возле другой — мужик в тапках на босу ногу курил в приоткрытую форточку, хотя на стене висела табличка «Курить запрещено».

— Сюда, — парень открыл дверь. — Ужин в семь, столовая на первом. Из комнаты без разрешения не выходить, отбой в двадцать три. Если что — пост дежурного в конце коридора.

Он ушёл, даже не дождавшись ответа.

Маша вошла. Койка с тумбочкой рядом, платяной шкаф, стол у стены, пластиковый стул. Окно большое, но замазано белой краской почти полностью, оставлена только узкая полоска снизу.

Она подошла к окну, попыталась открыть — не открыва-

ется. Замазано намертво, видимо, краской ещё с советских времён. Розетка над тумбочкой висела на проводе — выдра-на из стены, примотана синей изолентой, не работает.

Маша села на койку. Пружины жалобно скрипнули, матрас продавился почти до деревянной решётки. Пахло хлоркой, старым бельём и ещё чем-то неуловимо казённым — как в поликлинике, только хуже.

Она сидела и смотрела на забор через узкую полоску незакрашенного стекла, когда дверь скрипнула.

Вошёл мужчина. Пожилой, лет шестидесяти, с седой ще-тиной, в старом свитере и тренировочных штанах. В руках у него была отвёртка и моток изоленты.

— Здравсьте, — сказал он, кивнув Маше. — Я Толик, из тридцатой. Тут розетка не работает, сказали, можно почи-нить. Администрация разрешила.

Он подошёл к стене, потрогал болтающуюся розетку, вздохнул.

— Ну и ну. Как так можно, выдрали аж с мясом. — Он покосился на Машу. — Вы не бойтесь, я электрик, тридцать лет стажа. Только инструмент свой пришлось нести, казённым ничего делать нельзя, ломаешь — потом отвеча-й.

Маша молча смотрела, как он колдует над розеткой. А потом вдруг увидела. «Проводка алюминиевая, сечение 1.5 мм², проложена в 1987 году. Срок эксплуатации превышен на 15 лет. Риск короткого замыкания при включении прибо-ров мощнее 1 кВт — 62%.» Она открыла было рот, чтобы

сказать это вслух, но вовремя остановилась. Толик и сам всё знал, наверное.

Через пять минут розетка была примотана изолентой обратно к стене, но уже крепче.

— Работать будет, — сказал Толик, вытирая руки о штаны. — Только фен не включайте, проводка слабая. А вы надолго к нам?

— Не знаю, — честно ответила Маша.

Толик кивнул понимающе.

— Это да, тут никто не знает. Я сам вторую неделю. Телекинез слабый, но вроде электричеством управлять могу. Чинить вот помогаю, пока здесь. Администрация разрешила, потому что электрик штатный пьёт сильно. Вы если что надо починить — обращайтесь, тридцатая палата, я там.

Он ушёл. Маша осталась одна, сидеть на скрипучей койке и смотреть на серый забор за окном.

Где-то в коридоре зазвенела тарелка, кто-то крикнул: «Мужики, ужин!». Маша вспомнила, что не ела с утра.

Она встала, переделалась в казённую пижаму (выдали, пока она была на осмотре) и пошла искать столовую.

Глава 5. Возвращение

Через четыре дня её выпустили.

Сказали, что по результатам обследования она не представляет угрозы, способности слабые, бытовые, рекомендована постановка на учёт по месту жительства и явка раз в полгода для контрольных замеров.

Доехав до дома, Маша застыла. Она стояла перед своей дверью с чемоданом, со справкой о выписке в кармане, и не могла заставить себя позвонить. Сердце колотилось где-то в горле. Четыре дня она почти не думала о Диме: там, в этом сером здании, он казался частью другой жизни, далёкой и неважной. А сейчас эта жизнь стояла перед ней железной дверью с облупившейся краской.

Маша нажала кнопку звонка.

За дверью зашаркали. Лязгнул замок, заскрежетал — его давно надо было смазать.

Дверь открылась.

Дима стоял на пороге в трусах и растянутой майке с пятном, лохматый, с опухшим лицом. От него пахло перегаром и сигаретами. Судя по виду, он только что встал, хотя на часах было уже два часа дня.

— О, вернулась, — сказал он буднично. Даже не поздоровался. — Заходи.

Маша зашла.

Квартира встретила её запахом. Тяжёлым, кислым, застоявшимся — так пахнет, если не открывать окна несколько дней. В коридоре валялись его кроссовки. На тумбочке — пустая бутылка из-под пива и горсть окурков прямо в блюдце, которое Маша когда-то купила в Икее, красивое, с узором.

— Ты чего такой? — спросила Маша, ставя чемодан.

— Да вчера с пацанами сидели, — Дима зевнул. — Ну чё, как съездила? Проверили?

— Проверили. Сказали, что не опасна. На учёт поставили.

— А, ну норм, — Дима почесал живот и направился на кухню. — Есть хочешь? Там в холодильнике сосиски.

Маша пошла за ним.

На кухне раковина завалена грязной посудой. Там были тарелки с засохшей едой, кастрюля с остатками того, что когда-то было супом. На столе — крошки, жирные пятна, открытый пакет с хлебом, который засох и позеленел по краям. На подоконнике — пепельница, полная бычков. Пол лип под ногами.

— Дим, что это?

— Что? А, это. Ну, я тут немного не успел прибраться. Времени не было.

— Четыре дня у тебя было время.

— Так я работал! — Голос его стал чуть выше, появились знакомые нотки раздражения. — И вообще, ты же знаешь, я по хозяйству не очень. Не мужское это дело — посуду мыть.

Думал, ты вернёшься и приберёшься.

Маша смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается что-то тяжёлое и горячее. То самое, из-за чего в прошлый раз кружка взлетела под потолок. Но сейчас она сдерживалась.

— Дим, я четыре дня была в казённом доме. — Она говорила тихо. — Меня сканировали, задавали идиотские вопросы, проверяли, не сошла ли я с ума. Я спала на койке с панцирной сеткой, которая впивалась в спину. Я не видела ни одного окна без решёток — даже в туалете. Я не знала, выпустят меня или оставят там навсегда. И ты встречаешь меня вот этим?

Дима моргнул.

— Ну ты чего заводишься? — спросил он с интонацией обиженного ребёнка. — Я же не знал, что там так. Думал, санаторий нормальный.

— Ты не спросил, как я. Ты не позвонил.

— А куда звонить? Ты же номер не оставила.

— Я оставила бумажку с телефоном на холодильнике. — Маша кивнула на холодильник. — Ты её видел?

Дима посмотрел на холодильник. Посмотрел на неё. Отвёл глаза.

— Ну, видел. Думал, это просто так лежит.

— Ты даже не обнял меня, — сказала Маша, и в голосе её прорезалась усталость, которая была сильнее злости. — Я вошла, а ты стоишь, как будто я из туалета вышла.

— Так ты же не подходишь, — нашёлся Дима. — Стоишь, как чужая.

— Я не обиделась, Дима. Я устала. И мне было страшно.

— Ну прости, — сказал он таким тоном, будто делал одолжение. — Давай чай пить, успокоишься. Я там пирожные купил.

Он полез в холодильник, достал помятую коробку. Внутри было три штуки, заветренные, с присохшим кремом.

— Вот, видишь, забочусь.

И тут сработало её новое зрение. То, что в санатории называли «видением сути».

Она посмотрела на кухню и увидела не просто грязь. Она увидела принцип.

Посуда была не просто немытая — она была оставлена специально. Дима демонстративно её не мыл, потому что считал, что это её работа. Крошки на столе, разлитый кофе — он проходил мимо, потому что это была не его территория. Его территория заканчивалась там, где начинались его вещи: его кружка стояла чистая.

Она посмотрела на пепельницу и увидела. Сигареты: «Winston» (Дима) — 4 окурка, «Camel» (неизвестный мужчина) — 2 окурка, «Vogue» (неизвестная женщина) — 1 окурочек, со следом помады оттенка «Пыльная роза», бренд «L'Oréal», нанесён 2 дня назад. Женщина была здесь, сидела на этом стуле, пила белое вино из чашки, потому что все бокалы были грязными.

Она посмотрела на Диму и увидела его лицо по-новому. Не уставшее — довольное. Самодовольное. Он не скучал. Он не переживал. Он вообще не думал о ней эти четыре дня. У него была своя жизнь, в которую она входила только как функция.

— Слушай, — сказал Дима, жуя пирожное. — У меня к тебе дело.

Он полез в карман штанов, достал телефон.

— У меня начальник премию срезал за прошлый месяц. Говорит, бумажки неправильно оформил. Ты же теперь умеешь эти... ну, ошибки видеть? Посмотришь?

— Ты хочешь, чтобы я использовала свою способность, из-за которой меня чуть не заперли в психушку, чтобы помочь тебе с начальником?

— Ну да. А чё такого? — Он искренне не понимал. — Ты же теперь умеешь. Не пропадать же добру.

— Я человек, Дима. И эти четыре дня я Бог знает где. Я хотела вернуться домой и почувствовать, что я кому-то нужна не за то, что я могу сделать, а просто так.

Дима смотрел на неё с недоумением.

— Ну ты даёшь, — сказал он наконец. — Я же не просто так прошу. Я для дела. Думаешь, мне легко? Я тут один, без тебя, всё это... — Он обвёл рукой кухню. — А ты приходишь и сразу с претензиями. Я, между прочим, тоже не в санатории был. Работал. Устал.

— Ты работал? — Маша посмотрела на бутылки, на окур-

ки. — А это что?

— Что? А, это. С пацанами сидели, я же сказал. Ну, и девчонки были, Люба с работы, её подруга. Просто посидели.

Маша подошла к подоконнику, взяла окурок со следом помады.

— Это не Любы, она не красится. И не её подруги. Так кто?

Дима побледнел.

— Ты чего, Маш? — Голос сел. — Это просто... ну, зашли, посидели. Я даже имен не помню. Честно.

— Ты врёшь. Я теперь вижу, когда врут.

Дима молчал. Смотрел на неё с ужасом.

— Слушай, — начал он, сглатывая. — Ну, ошибся я. Выпил лишнего, дурак. Ты же меня знаешь, я без тебя не могу. Мне плохо было.

— Тебе было плохо, и поэтому ты привёл кого-то в нашу квартиру?

— Слушай, давай спокойно. Ты устала, я устал. Поспим, а завтра поговорим.

Маша смотрела на него и не чувствовала ничего. Ни злости, ни боли, ни обиды. Только усталость, бесконечную, как тот коридор в санатории.

— Я не хочу с тобой разговаривать завтра, — сказала она тихо. — Я вообще не хочу с тобой разговаривать.

Она пошла в комнату. Дима за ней.

— Маш, ну Маш, ты чего? Я же люблю тебя. Это случай-

ность, она ничего не значит. У нас ничего не было.

Маша молча взяла с дивана подушку и плед.

— Ты куда? На кухню? Маш, ну перестань.

— Спи здесь. Я на диване.

Она вышла в коридор, достала из шкафа второе одеяло, вернулась, разложила диван, бросила подушку, накрылась пледом. Повернулась к стене.

Дима потоптался ещё минуту, потом вздохнул и поплёлся в спальню.

Маша лежала с открытыми глазами и смотрела в стену. В квартире было тихо. Только часы на кухне тикали да у соседей глухо работал телевизор.

Она думала о том, что завтра надо будет вставать, идти на работу, делать вид, что всё нормально. Думала о Диме, который, наверное, будет весь день писать ей эсэмэски с извинениями.

Потом мысли стали путаться, и она провалилась в сон — тяжёлый, без сновидений, как будто её выключили из розетки.

Глава 6. Быт после

Первые два дня после возвращения Маша просто выживала.

Дима старался не отвечивать. Спал в кровати, пока она спала на диване в гостиной. Утром уходил на работу, вечером бросал «привет» и закрывался в комнате. Война нервов, марафон молчанки.

На третий день Маша поняла, что так нельзя. Сварила борщ — тот самый, который Дима называл «нормальным, не как у мамы». Поставила тарелку на стол.

Дима вышел на запах, поел, отодвинул тарелку и спросил буднично, будто ничего не случилось:

— Слушай, а ты можешь мысли читать?

Маша замерла с губкой.

— Что?

— Ну, мысли. Там же все способности разные. Вдруг и это умеешь?

— Дим, я даже кружки двигаю через раз.

— А ты проверяла? Напрягись, скажи, о чём я думаю.

Маша посмотрела. На лице у него было написано крупными буквами: «Сейчас она скажет что-то, а я потом обижусь».

— Ты думаешь, что я сейчас скажу что-то не то, и ты обидишься.

Дима дёрнулся.

— Ты правда читаешь!

— Нет. Я просто тебя знаю.

Он не поверил. Весь вечер ходил на цыпочках, заглядывал в глаза. А потом пришёл с новой идеей.

Она лежала на диване с книжкой. Дима устроился в кресле, смотря телевизор.

— Слышь, Маш, переключи на Первый, там новости скоро.

— Пульт на столе.

— Лень вставать. Ты же можешь силой мысли.

— Дим, я устала.

— Ну чего ты начинаешь? — в голосе появилась обидчивость. — Я ж не просто так прошу, а чтобы ты тренировалась. Пульт вон, на столе. Всего-то подвинуть на метр.

Маша вздохнула, посмотрела на пульт. Включилось «видение». «Батарейки разряжены на 98%. Кнопка „Вкл“ нажата 4 часа назад сегодня.».

Она вслух сказала Диме: «Ты смотрел телевизор весь день, хотя говорил, что на работе». Дима дёрнулся. Пульт лежал неподвижно, но правда уже висела в воздухе.

Маша закрыла книгу и ушла на кухню.

Через час он пришёл снова. Встал в дверях, засунув руки в карманы треников.

— Слышь, а разогреть можешь? Я есть хочу. Ты же можешь взглядом греть?

— Дим, ты серьёзно?

— Ну а чё? Вон, по телику показывали, одна баба яичницу взглядом жарила.

— Я не умею жарить взглядом. Я вообще ничего не умею толком. Только кружки двигаю, и то плохо.

— Ну и зря, — обиделся он. — Умела бы греть, хоть польза была. А так... — Он махнул рукой и ушёл, бросив: — Ладно, сам разогрею. Но могла бы и помочь, раз уж способности появились.

Маша смотрела на дверь и чувствовала, как внутри закипает что-то знакомое. Сжала вилку так, что побелели костяшки. Вилка дрогнула, изогнулась, но Маша этого даже не заметила.

На четвёртый день она решила попробовать сама. Для себя. Без Димы.

Подошла к раковине, полной грязной посуды. Сосредоточилась на тарелке, пытаюсь вызвать движение. Ничего. Только привычное покалывание в висках. Зато включилось видение: «Жир застыл 14 часов назад. Белок свернулся. Моющее средство не справится без замачивания». Вилка не летала, но Маша увидела точку напряжения на металле: «Если согнуть здесь — сломается». Она поняла, что магия не поможет убрать грязь, только покажет её суть. Взяла губку и начала мыть руками. Как обычно. Как всю жизнь. Потому что магия магией, а посуду мыть надо. И никто, кроме неё, этого не сделает.

Из комнаты донёсся голос Димы:

— Маш, а чай будет?

— Сам налей.

— Ну ты чего, мне лень вставать.

— А мне не лень посуду за тобой мыть?

Тишина. Потом шаги. Дима появился на кухне, налил себе воды, поставил чайник.

— Видишь, сам могу. Просто ты привыкла, что я прошу, а я прошу, потому что ты лучше делаешь.

Маша молча терла тарелку.

— И вообще, — продолжал он, заваривая пакетик с чаем.

— Ты со своими способностями теперь как ребёнок. Ничего не умеешь, только посуду портишь. А раньше хоть готовила нормально.

— Я и сейчас готовлю.

— Но с видом, будто одолжение делаешь.

Она обернулась. Посмотрела на него в упор. И вдруг поняла не слова, а то, что за ними. Дима не хотел её обидеть. Он вообще не думал о ней. Он думал о себе. Что ему неудобно. Что она изменилась, и ему приходится подстраиваться. Ему нужно, чтобы всё было как раньше: она готовит, убирает, слушает его жалобы, а он лежит на диване.

А она больше не могла как раньше.

— Дим, а ты меня вообще любишь?

Он замер.

— В смысле? — осторожно спросил. — Ты о чём?

— Любишь или привык?

— Ну ты даёшь, — поставил кружку. — Конечно, люблю. Три года вместе. Чего спрашивать?

— Три года вместе, а ты не знаешь, какое у меня любимое мороженое.

— Э... пломбир?

— Шоколадное, Дим. Я всегда беру шоколадное.

Он замялся.

— Ну, бывает. Забыл. Ты же тоже не помнишь, какой у меня размер ноги?

— Сорок третий. Ты сам жаловался, что обувь найти сложно.

Дима замолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.